
ИМЕНА

Альберт Львович Вайнштейн

Исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося ученого-экономиста Альберта Львовича Вайнштейна
(21 января (3 февраля) 1892 г.—14 апреля 1970 г.).

Редакция публикует статью ученика А. Л. Вайнштейна д-ра экон. наук проф. В. М. Кудрова.

У него была характерная внешность: большой с горбинкой нос, чуть ссутуленный, седой и обязательно со слуховым аппаратом. Он всегда проходил в зале заседаний к первому ряду, садился на свободное место, как правило у трибуны, и, приставив руку к правому уху, внимательно вслушивался в слова выступающего. Глаза его при этом расширялись и смотрели внимательно и поначалу грустно. Но затем зажигались искорками и излучали то вопрос, то несогласие, то, наоборот, поддержку. И никогда он не был равнодушным. Особенно уютно он чувствовал себя среди молодежи. Шутил, подначивал и язвительно смеялся. Но если что-то или кто-то ему не нравились, он был тверд в суждениях, почти беспощаден. Правда, потом долго переживал, вздыхал, но мнение свое менял редко.

Его или любили, или боялись. Все понимали, что он намного выше их, мудрее и глубже, ему чужда была суета. Он любил спокойно работать, не поднимая головы от стола. В отличие от модных в то время экономистов «общего профиля», этаких говорунов, он был прикладником, конкретником, статистиком одним словом, и готов был отвечать за каждую букву и каждую цифру. Это был «зубр» для нас, человек из другой эпохи, почти с другой планеты, где создавались иные, чем мы, люди. И он ощущал наше удивление, а иногда иронию, но смотрел на нас подчас с нескрываемой жалостью.

Альберт Львович Вайнштейн родился 21 января (3 февраля) 1892 г. в поселке Бричаны Бессарабской губернии Хотинского уезда в еврейской семье. Отец его был врачом, мать — домохозяйкой.

В 1898 г. семья Вайнштейнов переехала в Москву. Альберт Вайнштейн в 1909 г. окончил гимназию и поступил на математическое отделение физико-математического факультета Московского универ-

ситета. Был домашним учителем детей в семье знаменитого тенора Собинова.

В 1914 г. по окончании Московского университета с дипломом первой степени Альберт Львович был оставлен проф. Н. Е. Жуковским при университете на кафедре теоретической механики для подготовки к профессорскому званию, но не был утвержден тогдашним министром народного образования. Поэтому он поступил в Московский коммерческий институт, который окончил в 1917 г. по специальности «статистика». В 1916 г. он опубликовал свою первую научную работу, выполненную в знаменитой аэродинамической лаборатории проф. Н. Е. Жуковского, в «Трудах Аэродинамического института». Это была часть его дипломной работы «О геликоптерном винте».

Начиная с января 1918 г. он последовательно занимал должности заведующего статистическим отделением Московского губстатбюро, помощника заведующего отделом фабрично-заводской статистики ВСНХ (1918–1923 гг.), заведующего экономическим отделом Управления сельскохозяйственной экономии (так тогда говорили) и плановых работ Наркомзема РСФСР.

В дальнейшем Альберт Львович работал сначала консультантом, а затем первым заместителем директора по научной части (1923–1928 гг.) известного Конъюнктурного института Наркомфина, возглавляемого Н. Д. Кондратьевым. Был он и научным сотрудником в Институте научной методологии, вел высший семинар сельскохозяйственной экономии и политики при Петровской (ныне Тимирязевской) сельскохозяйственной академии.

В 1927–1929 гг. Альберт Львович заведовал кафедрой в Промышленно-экономическом институте в Москве, где читал курс экономической статистики, а также кафедрой в Среднеазиатском государственном университете, где читал курсы по экономике торговли, теории рынка и конъюнктуры, экономической статистике. В 1929–1930 гг. занимал должность старшего научного сотрудника и заведующего сектором статистики в Научно-исследовательском институте монополии внешней торговли при Наркомате торговли СССР. Кроме того, в течение 1922–1930 гг. читал курсы лекций в разных вузах Москвы и прежде всего в МГУ, Московском институте народного хозяйства им. Г. В. Плеханова и в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова.

В эти годы им были опубликованы следующие работы: «Обложение и платежи крестьянства в довоенное и революционное время» (1924), «Урожайность, метеорологические и экономические циклы и проблема прогноза» (1926), «Проблема международной статистики труда и промышленности» (1927), «Эволюция урожайности зерновых хлебов в России до революции и перспективы ее развития в будущем» (1927), «Проблема экономического прогноза в ее статистической постановке»

(1930) и ряд других. Альберт Львович стал одним из создателей в СССР конъюнктурной статистики. Хорошо зная несколько европейских языков, переводил и редактировал переводы многих научных статей и книг, неоднократно бывал в научных командировках (Германия, Франция, Италия, Бельгия), принимал участие в международных статистических конгрессах.

В июле 1930 г. Альберт Львович был арестован по делу Конъюнктурного института и сослан на три года в Казахстан. Это дело составляло часть процесса так называемой Трудовой крестьянской партии. Таких ученых-экономистов, как Н. Д. Кондратьев, А. В. Чаянов, Л. Н. Литошенко, Л. Б. Кафенгауз, А. Л. Вайнштейн, приговорили к разным мерам наказания. Вообще по делу Трудовой крестьянской партии проходило несколько сот человек и после пересмотра его в 1937 г. пять человек из «руководящего ядра» (Кондратьев, Литошенко, Тейтель, Чаянов, Юровский) были расстреляны.

В течение 1931–1932 гг. Альберт Львович жил в Алма-Ате, где работал консультантом в ЦУНХУ Госплана КазССР и заведующим плановым отделом республиканской конторы Союзкож.

В 1933 г. его дело было пересмотрено. Альберт Львович был реабилитирован, освобожден из ссылки и вернулся в Москву. С июля 1933 по июль 1941 г. он занимался преподавательской работой в вузах (по прикладной экономике и статистике) и научно-исследовательской работой во всесоюзных научно-исследовательских институтах Наркомата пищевой, затем крахмалопаточной и, наконец, консервной промышленности. Был в этих институтах старшим научным сотрудником, руководителем бригад по экономическому обоснованию новостроек, по реконструкции крупных комбинатов, организации сырьевых зон для существующих заводов. За все это время Альберт Львович выполнил ряд важных исследований, имеющих хозяйственно-практическое и научно-техническое значение. Поэтому и был премирован Наркомпищепромом. В 1936–1938 гг. он одновременно преподавал математику на курсах Мособлоно по подготовке преподавателей-математиков для средней школы. Все это нужно было лишь для того, чтобы хоть как-то продержаться. Заниматься любимым делом, делом всей его жизни ему не давали. Поэтому главную свою книгу об исчислении народного дохода он писал дома и для себя, надеясь, конечно, на ее счастливую судьбу.

8 июля 1941 г., сразу после начала войны, Альберт Львович вновь был арестован, опять в связи со своей прошлой работой с Н. Д. Кондратьевым в Конъюнктурном институте, и обвинен по знаменитой 58-й статье. Срок наказания — 8 лет лагерного режима. Отбывал его в Карлаге нормировщиком, экономистом, а затем научным сотрудником отдела агротехники сельскохозяйственной опытной станции (Карлага).

По отбытии срока (июль 1949 г.) он был сослан на пожизненное

поселение в г. Караганду, где работал плановиком на Карагандинском пищекомбинате, откуда перешел на работу в областную контору Сельхозбанка на должность старшего инспектора и начальника планово-кредитного отдела, затем был начальником планово-экономического отдела хлебокомбината, работал и в других организациях Караганды.

После смерти Сталина Альберт Львович, находясь на поселении и не имея права вернуться в Москву, получил возможность перейти на педагогическую работу в Карагандинский пединститут, где вел курсы теории вероятностей, теории чисел и математического анализа. Одновременно читал курс теории вероятностей и в Карагандинском горном институте.

В конце 1956 г. пришла реабилитация. В начале 1957 г. Альберт Львович вернулся в Москву, вышел на пенсию и в течение трех лет заканчивал главный труд своей жизни — книгу о народном богатстве предреволюционной России. В 1959 г. книга была закончена, представлена на защиту в качестве докторской диссертации и в 1960 г. издана в Госстатиздате.

Пока книга печаталась, а ВАК утверждал докторскую степень, Альберт Львович занялся написанием многих статей, переводом и редактированием переводов, что он любил еще в молодости. Особое внимание в эти годы он уделяет проблемам международных экономических сопоставлений. Он активно участвует в редактировании ряда научных изданий Академии наук СССР, отдельных томов «Ученых записок по статистике», сборников по экономико-статистическим методам и др.

С мая 1962 г. Вайнштейн стал работать в созданной акад. В. С. Немчиновым Лаборатории экономико-математических методов АН СССР, которая затем преобразовалась в Центральный экономико-математический институт АН СССР. В этом институте Альберт Львович работал до конца своих дней.

На его семинар по методам современного экономического анализа съезжались ученые из разных институтов. К нему все чаще и чаще стали обращаться как к уникальному знатоку дореволюционной российской статистики.

Умер Альберт Львович 14 апреля 1970 г., оставив после себя более 150 книг, брошюр и других работ. Имя его стало хорошо известно не только в нашей стране, но и за рубежом.

Проведя 18 лет в сталинских лагерях, тюрьмах и ссылках, этот человек проявил недюжинную волю, неутомимую творческую силу, и, как ни странно, оптимизм, веру во все светлое и доброе.

В. Кудров

Читая Вайнштейна

«Серебряный век» в русской экономической мысли совпал с «серебряным веком» в русской поэзии. Задачу открытия для читающей публики замечательной плеяды российских экономистов, а также оценки величины их вклада в современную экономическую культуру России еще предстоит решить.

Поэтому, обращаясь к имени одного из представителей этого поколения, Альберта Львовича Вайнштейна, мы не можем претендовать на сколь-нибудь исчерпывающее освещение его творчества. Это скорее приглашение к открытию.

Самая большая работа Альберта Львовича посвящена расчету народного богатства предреволюционной России [1].

Тема богатства одна из самых популярных в современной экономической и околоэкономической литературе. Причем главное противоречие этой темы сводится к тезису: «богатейшая страна, а народ бедный». У этого парадокса есть несколько граней. Мы обратимся только к одной из них.

Когда говорят, что «страна богатейшая», то дальше следуют восклицания относительно «неисчерпаемых запасов» природных ресурсов и высокой квалификации рабочей силы. Однако являются ли природные ресурсы и рабочая сила элементами народного богатства? По мнению Вайнштейна — нет. «При таком трактовании понятия и объема народного богатства смешиваются вместе сами элементы народного богатства с *условиями* для развития, увеличения, аккумуляции его. Свободные блага, природные ресурсы, благоприятные естественные факторы — все это *условия* для жизни общества, для применения труда, условия его производительности и условия получения продуктов, составляющих основу потребления современного общества, а не сами элементы народного богатства» [1, с. 38].

Конечно, по мысли Вайнштейна, наличие или отсутствие благоприятных условий использования народного богатства оказывает воздействие на величину народного дохода и народного потребления. Хотя связь между народным доходом, народным богатством и народным потреблением не представляется Вайнштейну однозначной. «...Может так случиться, — писал он, — что народный доход и народное богатство увеличились, а потребление населения *не увеличилось* или даже *уменьшилось*, следовательно, *благосостояние снизилось*, если, например, в натурально-вещественном выражении чистой продукции *большую часть* заняли бомбы, пушки и прочее военное снаряжение. Наконец, наряду с ростом народного дохода народное богатство может *уменьшиться*, а потребление населения, т.е. *благосостояние страны, не повысится*. Этот *гипотетический* случай может иметь место при каких-либо стихийных бействиях, ибо, по учению К. Маркса, убытки,

производимые чрезвычайными явлениями природы — пожаром, наводнением и т. д., должны покрываться из прибавочной стоимости и представляют вычет из нее, т. е. тем самым и из народного дохода (курсив мой. — А. С.) [1, с. 57]. Какие далеко идущие намеки делает автор в 1960 г.! Впрочем, у книги с тиражом в 2100 экземпляров, вероятно, было не очень много читателей и совсем мало сопереживателей. Неуклюжее появление в этой цитате «учения К. Маркса» наводит современного читателя на мысль о взаимосвязи данной теории со стихийными и организованными бедствиями.

Так что же составляет народное богатство России, по мнению Вайнштейна? «Под народным богатством в настоящем исследовании, — пишет Альберт Львович, — понимается совокупность *материальных* предметов, созданных человеческим трудом, независимо от их назначения, а также изменений, овеществленных в природных ресурсах и произведенных человеческим трудом» [1, с. 54]. Таким образом, неважно «хорошие» или «плохие» потребности удовлетворяют предметы. «Отсюда вытекает, что церкви, монастыри вместе с предметами религиозного культа, военное имущество и т. д. должны быть включены в исчисление народного богатства предреволюционной России» [1, с. 55]. Понятно, что сопоставления структуры народного богатства одной и той же страны в разные моменты времени или разных стран в один и тот же момент времени может дать много пищи для размышлений «о причинах богатства народов».

Для того чтобы рассчитать народное богатство предреволюционной России, Вайнштейн должен был дать денежную оценку имуществу, находящемуся в собственности государства, общественных организаций и отдельных граждан по состоянию на 1 января 1914 г., произвести инвентаризацию России на эту дату. Как известно практика, произвести инвентаризацию даже не очень крупного магазина дело непростое, она производится усилиями группы людей, а движение инвентаризируемого имущества останавливается, что благоприятствует точности учета ценностей.

Отметим только несколько моментов, затруднявших выполнение поставленной Вайнштейном задачи.

1. Отечественными дореволюционными статистиками не производился расчет народного богатства России.

2. Вайнштейн начал работу в 1925 г., т. е. через 11 лет, увы, не способствовавших сохранности и упорядоченности ни статистических материалов, ни самих ценностей.

3. Автору приходилось «разыскивать и сводить огромное количество неоднородных, частично неопубликованных отчетно-статистических материалов, восполнять многочисленные пробелы в них» [1, с. 10].

4. Если с 1925 г. до весны 1927 г. («было сделано приблизительно около трети счетных работ» [1, с. 10]) автор мог пользоваться под-

держкой государственного учреждения, то с этого времени и до 1941 г. Вайнштейну пришлось выполнять работу одному. В 1955 г. Альберт Львович вернулся к прерванному (почему — об этом написано в предыдущем очерке) исследованию, «однако понадобилось еще три года напряженного труда, чтобы полностью закончить начатое в 1925 г. исследование и подготовить его к печати» [1, с.11].

Эту работу можно сравнить с раскопками и реконструкцией засыпанного тысячелетним песком древнего города. Книга содержит более 500 только главных источников, создающих представление как об исторической глубине и современности знаний Вайнштейна, так и о полноте охвата источников статистических данных. Это исследование создало точку опоры и отсчета для последующих статистических расчетов и сопоставлений народного богатства России.

Вайнштейн отмечает, что его обращение к исследованию народного богатства России в 1925 г. было связано с проблемой планирования темпов накопления в советской экономике. «При построении плана любого хозяйства общий темп развития определяется величиной того фактора, который находится в минимуме... Если в предыдущие годы, — писал Вайнштейн в 1926 г., — таким фактором был оборотный капитал, то в настоящее время в минимуме находится уже основной капитал... Их размер определяет собой уровень национального дохода, которого достигнет страна в ближайшем году» [2, с. 8]. Цитируемая статья — первая в ряду тех, в которых Вайнштейн выражает свое понимание государственного плана. А оно далеко разошлось с «государственной» точкой зрения. «Поскольку регулируемое хозяйство сопрягается во всех своих частях с нерегулируемым или, вернее, с трудом поддающимся регулированию», то «для построения плана общественного сектора необходимо хотя бы приблизительное знание некоторых элементов необобщественного и процессов, в нем происходящих» [2, с. 6]. Однако, с точки зрения Вайнштейна, «при современном положении экономической и статистической науки было бы наивно говорить вообще о возможности сколько-нибудь точного прогноза. Кроме того, необходимо иметь в виду пертурбирующее влияние мероприятий экономической политики, которое не всегда оказывается возможным учесть» [2, с. 7]. А следовательно, план может сводиться к небольшому набору самых общих показателей развития народного хозяйства, выражающих минимально возможные при наличных средствах достижения. Отсюда и отношение Вайнштейна к плану, который стремится дать детальное описание будущего состояния хозяйства, да еще в качестве директивы: «Нужно со всей резкостью заявить, что подобная затея является химерой, гаданием на кофейной гуще и ничем иным в настоящее время быть не может... Нам представляется совершенно бесплодной затеей, статистическим гурманством громадные простыни-таблицы, запроектированные Госпланом для разных отраслей народ-

ного хозяйства в целях построения контрольных цифр... Да цифровое выражение всех элементов для всего народного хозяйства ни для чего не нужно. Для правильной экономической политики необходимо учитывать тенденции прошлого и положение настоящего, а не гадания будущего» [2, с. 7].

Если для кого-то «планов громадь» является цифровой романтикой, то придание цифрам директивного характера, в частности размеру государственного кредита, порождает борьбу заинтересованных ведомств и давление на плановые органы, которое в конечном счете вытесняет из планов последние остатки реализма. «Исчисленные по кредиту контрольные цифры (на 1925/26 г. — А. С.) были совершенно неверны, примененные при этом методы ни на чем не основаны, кроме глазомера и аппетита составителей — критерия не всегда надежного» [2, с. 22].

Однако ни логическая, ни статистическая аргументация Вайнштейна, а она небезынтересна и сегодня, конечно, не могла охладить «статистическое гурманство» Госплана. Напротив, в 1927 г. уже публикуются цифры пятилетнего плана на 1926/27–1930/31 гг. И снова Вайнштейн, вслед за Н. Д. Кондратьевым, развертывает методологическую и статистическую критику (от которой редакция журнала «Экономическое обозрение» слегка дистанцируется сноской: «Печатается в порядке обсуждения») [3]. Вайнштейн отмечает множественность (возможно быстрый темп; максимальное удовлетворение текущих потребностей; бескризисное развитие; скорейшее переустройство общества) и противоречивость критериев оптимизации плана и бесосновательность веры во всесильность балансового метода. Оценивая плановые цифры Госплана, Вайнштейн отмечает: «Но будем ли мы их реально иметь — этого баланс нам не может сказать, ибо мы можем построить бесконечное количество статистических балансов, будущих моделей народного хозяйства. Для того чтобы сделать выбор, нужно выяснить вероятность осуществления того или другого» [3, с. 35].

И наконец, в 1930 г., в год первого ареста, выходит обобщающая работа по проблеме экономического прогноза [4], в которой автор приходит к выводу, что известные статистические методы, примененные к наличному статистическому материалу, не могут дать удовлетворительный экономический прогноз. Поэтому практически приемлемым для неотдаленного прогноза ему видится одновременное статистическое наблюдение за совокупностью экономических показателей. «Если бы мы имели регулярно синоптические карты экономических явлений и знали бы приблизительно на основании эмпирического изучения прошлого скорость, направление и механизм воздействия одних элементов на другие, то этот материал мог бы служить основанием для прогноза» [4, с. 54]. Неудивительно, что руководство Научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономики предварило работу замет-

кой, в которой утверждается неоспоримая еретичность автора, а также некоторая польза еретического произведения для правоверных, а автор в своем предисловии утверждает, что «в СССР проблема прогноза имеет подчиненное значение, ибо на первое место здесь выступает волевое начало, директива и сознательная перестройка общества на социалистических началах в определенный срок» [4, с. 3].

Продолжение «антипланового» сюжета в творчестве Вайнштейна мы уже находим только в 1964 г. [5]. Высоко оценивая потенциал метода линейного программирования для решения широкого класса прикладных задач, Вайнштейн категорически отрицает, что с его помощью можно решить проблему оптимального государственного плана. А в дискуссии 1964 г. говорит следующее: «Так как полный оптимальный народнохозяйственный план может быть „выдан на-гора“, по моему мнению, лишь через несколько пятилетий, то в течение ближайшего времени должен быть провозглашен и реализован принцип максимальной децентрализации, предоставления максимальной возможности „волевых“ решений на местах».¹

В том, что писал Вайнштейн начиная со второй половины 50-х гг., можно найти много ритуальных аргументов и ссылок, неожиданных переходов, многозначных оценок и намеков, затекстных логических связей, которые не просто обнаружить и расшифровать современному читателю. Стесненность научной свободы деформировала литературный стиль и предопределила преобладающий историко-статистический характер его работ. Интерес к общетеоретическим вопросам (а о том, что он был высок, свидетельствуют частые ссылки в его работах на современную западную литературу) нашел выход в переводе и редактировании иностранной литературы. Под его редакцией и с его вступительными статьями издаются «Международное сравнение национального продукта и уровня цен» М. Джильберта и И. Крэвиса (1962), «Математическая экономия» Р. Аллена (1963), «Введение в эконометрию» Г. Тинтнера (1965), «Доход наций» П. Студентского (1968), «Основы теорий шансов и вероятностей» О. Курно (1970).

В шестистраничной работе 1962 г. [6] термином «математическая экономия» Вайнштейн охватывает «применение математических методов в экономике и планировании» [6, с. 1], включая не только «безыдейные» прикладные методы, такие как затраты—выпуск или линейное программирование, но и неоклассическую теорию. Словарь, по мысли Вайнштейна, предназначен для создания терминологического фундамента в русском языке в данной области, что в свою очередь должно содействовать прогрессу в Советском Союзе в этом разделе экономической науки. И только теперь, когда в роли учебников по экономике в значительной мере выступают переводные книги, важность унифи-

¹ Экономисты и математики за «круглым столом». М., 1965. С. 158.

кации и «чистки» терминологического языка осознается все большим числом экономистов.

Неудивительно, что многим современникам Альберт Львович Вайнштейн казался «человеком из другого мира».

1. Народное богатство и народнохозяйственное накопление в предреволюционной России. М., 1960.

2. О контрольных цифрах народного хозяйства на 1926/27 г. // Социалистическое хозяйство. 1926. Кн. 4.

3. К критике пятилетнего перспективного плана развертывания народного хозяйства СССР // Экономическое обозрение. 1927. Июль.

4. Проблема экономического прогноза в ее статистической постановке. М., 1930.

5. Тезисы доклада «25-летие линейного оптимального программирования» на пленуме Научного совета 17 июня 1964 г. М., 1964.

6. Об унификации и составлении толкового словаря математико-экономических терминов. Новосибирск, 1962.

А. Слуцкий

Редакция публикует воспоминания Алека Ноува о встречах с А. Л. Вайнштейном, написанные во время пребывания в С.-Петербурге. Это последняя статья, написанная Алеком Ноувом за четыре дня до смерти.

Я его встречал несколько раз в 1969 г. Тогда я добывал данные об экономической науке в СССР 20-х гг. Прошло много лет, и я многое забыл. Но вот основные впечатления.

Во-первых, он сам. Бодрый, храбрый, глухой. Много знающий о западной экономической мысли, в особенности о статистике национального дохода и богатства. Я ему присылал «Economic Journal», но, если не ошибаюсь, он умер спустя два-три года после нашей последней встречи.

Рассказывал о Ленине следующее. В 1919 г. Вайнштейн был на каком-то приеме; Ленин подошел к нему и сказал: «Нам нужны такие умные молодые специалисты. Вам бы стать членом большевистской партии». Вайнштейн ответил отказом. «Почему?», — спрашивает Ленин. — «Я не верю в диктатуру пролетариата». На что Ленин: «Эх вы, интеллигенты!», — и ушел. Вайнштейн добавил: «В те времена это ничем не грозило».

Вайнштейн был арестован вместе с его шефом Кондратьевым в 1930 г. Кондратьева он глубоко уважал. По его словам, Кондратьев получил 8 лет, а сам он — 4 года. Вайнштейна выпустили в 1934 г., и он вновь был арестован, кажется, в 1939-м. А Кондратьева, как он

тогда сказал, не выпустили, дали новый срок, и он умер в тюрьме, полупомешанным. Теперь мы знаем, что Кондратьев был расстрелян в 1938 г.

Я его спросил, когда произошла перемена в отношении к таким «спецам», как он, — к Чайнову, Кондратьеву, Юровскому и другим меньшевикам. Он сразу ответил: «К декабрю 1927 г. До этого нас слушали как специалистов. После этого мы были враги, а вероятно, и вредители».

Я был у него на квартире, когда позвонил телефон. Вайнштейн поговорил с кем-то, а затем сказал мне: «Знаете, с кем я разговаривал? Это мне звонила вдова Чайнова. Она только что получила из Парижа, от Basile Kerblay, издание чайновских работ. Она была так счастлива, что муж ее не забыт». Сам Вайнштейн, конечно, высоко ценил Чайнова, а в те годы в СССР о нем, как мы знаем, нигде ничего не говорилось. Сколько талантов было погублено в 30-х гг.!

Вайнштейн меня повел на встречу «ученых Москвы» с руководителями тогдашнего ЦСУ, т. е. со Старовским и Гениным. Сам Вайнштейн резко критиковал (в личном разговоре) официальные данные о темпах роста, как тридцать лет спустя это делал Ханин. Вайнштейн привел пример. 1936 год. Официальные цифры абсолютно неправдоподобны. Он указал на это на каком-то собрании, и, по его словам, это возымело действие: цифры отдельно за 1936 г. перестали появляться.

И наконец, он меня попросил прислать ему одну английскую книгу о менеджменте и вложить в нее русский перевод Оруэлла «Скотский хутор»: «Я читаю свободно научные работы по-английски, но мне трудно с художественной литературой». Его жена запротестовала: «Не надо». На что Вайнштейн ответил: «Нет, можно. Или найдут, или не найдут. Если найдут — заберут». Не знаю, получил ли. Хороший был человек!

Алек Ноув